

УДК 316.733

ШАДЖЕ Асиет Юсуфовна –

*д. филос. н., профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208
Shadzhe@maykop.ru*

ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ MEMORY AND CULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF NORTH CAUCASUS

В статье анализируется память и идентичность на примере северокавказских этносов. В контексте культуры рассмотрены некоторые аспекты взаимосвязи категорий памяти и идентичности в рамках северокавказского регионального сообщества. Доказывается тезис о том, что личность, идентифицируя себя со своей этнической группой, реализует память в этнической культуре. Обосновано положение, что культура является основой не только взаимосвязи памяти и идентичности, но и взаимопонимания народов. Делается вывод, что в полиэтничном регионе культурная политика, основываясь на диалоге, должна быть нацелена на межэтническое согласие и сохранение каждой культурной/этнической единицы. В целях укрепления единства гражданской нации и российской национальной идентичности ставится проблема выявления объединяющих компонентов для всех российских этносов.

Ключевые слова: культура, система, коллективная память, идентичность, ценность, единство, Северный Кавказ, взаимопонимание, российская гражданская нация

Memory and identity are considered using an example of North Caucasian peoples. Some aspects of the interrelation between memory and identity categories within the North Caucasian regional community are explored in the context of culture. The thesis is proved that a personality, identifying itself with the ethnic group, realizes memory in ethnic culture. The author asserts that the culture is a basis not only of interrelations between memory and identity, but also for mutual understanding of peoples. The conclusion is drawn that in the multiethnic region the cultural policy, based on dialogue, has to be aimed at interethnic consent and preservation of each cultural/ethnic unit. The problem of identifying the uniting components for all Russian nations in order to strengthen the unity of the civil nation and the Russian national identity is raised.

Keywords: culture, system, collective memory, identity, value, unity, North Caucasus, mutual understanding, Russian civil nation

Мы переживаем сложное время. В современном мире/обществе неопределенность во всех сферах нашего бытия, кризис человеческих ценностей ощущается каждым из нас. Характерные черты сегодняшнего дня – нищета, социальное расслоение общества, способствовавшее поляризации социальных групп и слоев, отсутствие необходимой системы социальной защиты населения, утрата ценностно-мировоззренческих и нравственных ориентиров, размытость сознания людей – становятся основой социокультурных рисков и усиливают напряженность. Идеологическая обработка сознания со стороны многих СМИ нацелена

на разрушение человека, деградацию морали, образования и культуры. В этих условиях, условиях упадка духовности и культуры и расколотости общества, актуальным становится изучение проблемы прошлого, настоящего и будущего этноса, народа и страны.

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые аспекты взаимосвязи памяти и идентичности северокавказских народов в контексте культуры. Наше обращение к этой проблеме весьма актуально, поскольку в традиционной культуре к рассматриваемым понятиям исторически сложилось ценностное отношение, особенности которого следует учитывать в современной культурной политике.

Характеристика коллективной памяти.

В контексте конструктивистского подхода память можно рассматривать как некоторое отношение к другому, которое обладает специфическими формами существования и определенными способами постижения своего содержания.

Проблемой памяти интересовались многие мыслители прошлого, начиная с древних греков. Обращение к проблеме памяти наблюдается в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассматривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразие окружающего мира.

Американский историк А. Мегилл отмечает, что «в современном прочтении речь идет о новом виде памяти... В новом мышлении память рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность, а не только как способ получения или хранения большего, чем прежде, объема знания о прошлом» [Мегилл 2007: 94].

Заметим, что в русской философии конца XIX – начала XX в. наблюдается обращение к рассмотрению памяти в контексте изучения проблем человека: например, творческий характер памяти человека у Н.А. Бердяева, связь памяти человека с Богом у П.А. Флоренского и т.д.

В чем же смысл памяти? Ее основной смысл связывают с опытом. «В этом эмпирическом смысле “историческая память” обозначает опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях. Точнее – историческая память обозначает восстановление и преобразование этого опыта в нарратив» [Мегилл 2007: 112].

Рассматривая содержание памяти, ее часто подменяют воспоминанием. Ученый Австрийской академии наук Й. Файхтингер отмечает, что в большинстве западных языков существует различие между объективной историей и историей, записанной очевидцем, равно как и между памятью и воспоминанием. Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное понятие для свойственного определенной культуре,

эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются индивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому [Файхтингер 2007: 37].

Однако нас интересует воспоминание о прошлом не только в сознании индивида, но и этноса. Поэтому обратимся к коллективной памяти. А. Мегилл совершенно справедливо отмечает, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой надындивидуальной памяти – поскольку нет “памяти” вне индивидов, – но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт, или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы, или гештальты, в большой степени совпадают, иначе память не была бы “коллективной”» [Мегилл 2007: 113].

В научной литературе встречается еще понятие «социальная память». Она не является тождественной понятию «коллективная память». Социальная память – основа историко-культурной памяти.

В этой связи обратимся к учению французского ученого М. Хальбвакса, исследующего коллективную и историческую память. По его мнению, «индивиду доступны два типа памяти. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции. С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и подерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [Хальбвакс 2005]. Показав, что память – это социальный, а не только индивидуальный феномен, Хальбвакс

подводит нас к пониманию важного методологического положения о взаимосвязи социальной группы и коллективной памяти.

Рассмотрим соотношение понятий «память», «традиция» и «ностальгия». Это важно, поскольку в определенных ситуациях они зачастую отождествляются. Безусловно, они неотделимы друг от друга, но при анализе их взаимосвязи необходимо учесть и ряд особенностей современной России.

Определим здесь традицию как передающиеся из поколения в поколение элементы социального опыта и культурного наследия – нормы и образцы поведения, формы социальной организации, идеи, нравы, обычаи, обряды и ритуалы и т.д. Однозначно можно сказать, что память и традиция не тождественны, они не могут подменять друг друга, но могут сосуществовать. Память и ностальгия тоже не являются тождественными понятиями. Ностальгия (от греч. *nostos* – возвращение и *algos* – боль) – тоска по родине. В научной литературе встречается более широкое толкование этого понятия – как тоска по прошлому. Однако память не следует сводить только к прошлому или подменять прошлым. В памяти фиксируется значимое, т.е. смысл этого значимого.

Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого из настоящего мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

Н.А. Бердяев в своей книге «Самопознание» писал: «Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением и вызывает к себе подозрительное отношение. Память активна, в ней есть творческий, преобразующий элемент, и с ним связана неточность, неверность воспоминания. Память совершает отбор, многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда бессознательно, иногда сознательно» [Бердяев 1990: 7-8]. В данной

мысли замечаем обоснование двух важных положений относительно памяти. Первое связано с тем, что Бердяев разводит воспоминание и память. Воспоминание всегда восстанавливает в памяти прошлое. Но этот процесс осуществляет человек, активно мыслящий человек. Поэтому интерпретация прошлого человеком, т.е. восстановление прошлого в памяти, зависит от человека. Второе связано с активностью памяти, с тем, что она способна совершать отбор фактов и так же активно определять их место. Таким образом, получается, что ценностно-мировоззренческие ориентации человека, мышление определяют его активность, а значит и «воскрешение прошлого».

Память/историческая память в кавказском регионе. Обратившись к периоду Великого черкесского изгнания (1859–1866 гг.), отметим, что прошлое – насильственное изгнание адыгов – значимо для этноса. Именно это и фиксируется в исторической памяти адыгов и адыгского этноса.

Поскольку нами рассматривается память как «ценностно-смысловая реконструкция прошлого» в традиционном социуме, представляются интересными работы известного ученого Э.А. Шеуджен по исторической памяти. Исследуя историческую память и проблемы Кавказской войны, она выделяет следующие важные характеристики [Шеуджен 2010].

- Фиксированность исторической памяти: народы не могут стереть из памяти неприятные воспоминания. Как тяжелая наследственная болезнь, трагические события прошлого передаются из поколения в поколение, серьезно осложняя отношения в обществе.

- Историческая память объемна.

- Историческая память имеет сложную структуру: для нее характерна протяженность во времени. Более того, нередко события отдаленного прошлого воспринимаются народами более болезненно и значимо по сравнению с сегодняшними событиями и бедами.

По словам автора, в памяти каждого народа есть события вневременные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. К таким событиям относится Кавказская война, оставшаяся в памяти

народов Северного Кавказа как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории. При этом Шеуджен отмечает, что если память о выселении народов и даже война в Чечне входят составной частью в историю отдельных этносов, то проблема сопротивления, боевого духа горцев характерна для коллективной памяти всех северокавказских народов.

Память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление о родине и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса. И он был нарушен национальной политикой, которая проводилась на Кавказе. Насильственное выселение народов со своих исконных земель, замалчивание и искажение истории народов, преследование традиционных обычаев, ограничение и сведение на нет преподавания на местных языках, снижение числа публикаций нерусской литературы – все это и многое другое не способствовало самосохранению и саморазвитию кавказских этносов.

Вспомним те крайности, которые имели место в области языковой политики. Стимулируя необходимость изучения русского языка, переводя программы обучения в общеобразовательных школах на русский язык, забывали, а точнее, игнорировали обратную сторону языковой проблемы – знание родных языков. Благодаря принятым в 1938 и 1983 гг. постановлениям об обязательном изучении русского языка в школах, русский язык фактически стал обязательным государственным языком на территории СССР. В стране повсеместно сокращалось преподавание родных языков в школах, хотя постановления этого не требовали. Это была инициатива местных чиновников.

Прошлое и отношение к прошлому у северокавказских народов нами не абсолютизируются. Понятно, что у каждого народа/страны есть ключевые события, являющиеся незабываемыми: геноцид у армян, холокост у евреев, Великая Отечественная война – у россиян и т.д.

Безусловно, память священна. Трагические события и страницы запечатлены остро в памяти каждого этноса и каждой нации. Это наше прошлое, из

которого мы вышли. Однако, памятуя о прошлом, об исторических корнях своего этноса, проявляя уважение к исторической памяти, важно соотносить это с современностью, преодолевая крайности, вызванные либо политической конъюнктурой, либо чрезмерной идеологизацией памяти. Время сведения счетов друг с другом и со временем прошло. Необходимо вступить с прошлым в диалог, в новый диалог, подчинив историческую память формированию гражданина-патриота, знающего историю своей страны, своей земли, своего народа. Такая работа возможна в сфере культуры. Только в рамках культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Культура – основа взаимосвязи памяти и идентичности. В каждой культуре как сложной саморазвивающейся системе формируются особые информационные структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой (опыт предшествующих взаимодействий). Эти информационные структуры-коды определяют способы воспроизведения системы как целого (В.С. Степин). Такими информационными структурами в культуре являются ее базисные ценности и смыслы, которые значимы для каждого человека и народа, поскольку они определяют отношение человека к миру (происходящим событиям), а также являются ориентирами и регуляторами его поведения. Более того, ценности и смыслы, являясь наиболее устойчивыми элементами культуры, являются скрепой понятий «мы» и «свои» на разных уровнях идентичности.

Как отмечает О.Н. Астафьева, «культура посредством ценностей, языка, ментальности, традиций, памяти придает осмысленность прошлому существованию и опыту совместного бытия людей, выступая основанием для идентификации коллективного субъекта. В свою очередь, границы идентификационных матриц коллективных идентичностей в той или иной степени подвижны, идет ли речь о гражданской, политической, этнокультурной, национально-культурной, транс-национальной идентичности и др.» [Астафьева 2012: 98].

Пространство культуры представляет собой некоторое пространство памяти. С одной стороны, культура помогает понять смысл памяти. Память, в свою очередь, формирует ценностно-мировоззренческие ориентации человека/группы. С другой стороны, память выступает основой культуры. Совершенно справедливо отмечал Д.С. Лихачев в своей работе «Искусство памяти и память искусства», что «одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память». В созидании культуры участвуют многие поколения людей. Культура передается из поколения в поколение, накапливается. При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий [Лихачев 1984: 68].

С культурой связана и идентичность. Например, этническая идентичность формируется в определенной культурной среде. В северокавказском обществе характерологическими особенностями идентификационных процессов выступают этнокультурные маркеры. В определении своей идентичности важная роль принадлежит, безусловно, коллективной памяти северокавказских народов.

Культура формирует личность, помогает идентифицировать себя с определенной социальной общностью. Это положение может быть перенесено и в плоскость этноса. Личность, идентифицируя себя со своим этносом, этнической группой, народом, может реализовать память в этнической культуре. Знание этнических культур и межкультурный диалог способствуют взаимопониманию.

Профессор Калифорнийского университета С. Бенхабиб определяет моральные, этические и оценочные составляющие культуры и подчеркивает, что «культуры представляют смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела носителей». Он пишет: «По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности... Чем больше мы понимаем, тем больше способны простить, [и поэтому] в изучении человеческой культуры и общества [действует принцип: все понять — значит все простить]» [Бенхабиб 2005: 47, 36].

Важно и стремление к пониманию другой культуры. С одной стороны, усвоение и понимание той или иной культуры требуют самоидентификации с ней. Определяя свою идентичность, личность вживается в другую культуру, познает ее ценности. С другой — культура является основой взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего; идентичности и исторической памяти.

В современных условиях, в условиях кризиса во всех сферах нашего бытия вновь стала актуальной проблема формирования историко-культурной памяти. Говоря словами крупнейшего социолога Европы З. Баумана, «мы должны помнить — но что?» И для чего помнить?

Для созидания! Чтобы понять, какое общество возникло из истории и каковы мы, составляющие это общество. Научили ли нас уроки истории сохранять человеческое в себе, живя в условиях кардинальной переоценки отношения ко многим вопросам человеческого бытия? Каков наш ценностный мир? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с памятью? Что может стать основой этого будущего общества?

Отметим, что при поисках ответа на поставленные вопросы и вызовы современности обращение только к нормам и законам этносов, к исторически сформировавшимся этнокультурным ценностям не решит проблему. Мы все прекрасно понимаем, что эти социокультурные институты в том виде, в каком они исторически формировались, не могут быть возрождены. В этой связи представляется возможным предложить следующие соображения.

Память и идентичность формируются в определенной социокультурной среде. Что касается северокавказского региона, то в целом социокультурная основа памяти и идентичности здесь связана с выявлением и оценкой значимости этничности и прошлого в сознании и поведении индивида/этноса. Поэтому в качестве показателя социокультурных перемен здесь выступают изменения в этнических системах, в которых формируются разные виды/уровни идентичности и поддерживается культурно-историческая память, на основе чего рождаются новые решения.

Несмотря на то что не существует простых и готовых рецептов достижения гармонии в полиэтничном регионе, формирования гражданского сознания в обществе, целый ряд факторов – и политических, и экономических, и социальных, и т.д. – играют в этом процессе большую роль. Однако проблема поддержания культурной памяти и коллективной идентичности может и должна решаться на федеральном и региональном уровнях.

В настоящее время в условиях формирования и укрепления российской национальной идентичности следует выявлять общие корни страны, общие (опорные) компоненты, которые работают на единство гражданской нации, на сохранение гражданского мира и единства России. Это – наша общая история, российская культура, наша природа, спортивные достижения нашей страны и т.д. Вопрос памяти и идентичности – это вопрос сотрудничества и взаимопонимания. Именно поэтому в современных условиях мы должны подчинить свою диалогичность, свою культуру мышления, слово и дело сохранению гражданского мира

и нашего «единства в многообразии». И только тогда каждый из нас может считать себя человеком современной цивилизации.

Культурная политика в стране и регионах должна быть направлена на сохранение каждой культурной/этнической единицы и укрепление единства в многообразии. При этом правящая элита не должна руководствоваться крайними принципами – «назад к традиции» или «долой традиции». Стратегические задачи в этой сфере определены правительством РФ в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Документ подготовлен в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Программа призвана обеспечить координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями.

Литература

Астафьева О.Н. 2012. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности. – *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке*: коллективная монография (отв. ред. Н.А. Кочеляева). М.: Совпадение. С. 95–114.

Бенхабиб С. 2005. Притязания культуры. – *Равенство и разнообразие в глобальную эру* (пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева). М.: Логос, 350 с.

Бердяев Н.А. 1990. *Самопознание (опыт философской автобиографии)*. М.: Международные отношения, 336 с.

Лихачев Д.С. 1984. Искусство памяти и память искусства. – *Критика и время*: литературно-критический сборник (сост. Н.П. Утехин). Л.: Лениздат. С. 68–74.

Мегилл А. 2007. *Историческая эпистемология*: научная монография (пер. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина). М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 480 с.

Файхтингер Й. 2007. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе. – *Вопросы философии*, № 9. С. 32–38.

Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. – *Неприкосновенный запас*. № 2–3(40–41). Доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (проверено 29.03.2014).

Шеуджен Э.А. 2010. *Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти*. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 280 с.